

Show must go on...

Ю. Жестин



*«Музыка уже давно закончилась,
а вы всё еще танцуете...»
Джордж Сорос (2000 г.)*

Берегите нервы! Ну, кризис, да. И что? Ему уже лет сто, кризису этому. А вы только что заметили? С чего вы взяли, что именно сейчас он начался? Ах, курсы акций упали... Ну, упали — вам-то что? Вот если бы цеховой пролет упал, причем тот самый, под которым новенький обрабатывающий центр только что смонтирован — вот это был бы кризис! Далась вам эти акции!? На акциях играют те, у кого деньги лишние. А кто свои кровные туда вложил — сам виноват! Как говорится, «не суй свой взнос не в свое дело».

Фондовый рынок — это лишь барометр, причем давно неисправный. Не считать же показания сломанного барометра причиной дождя? А российский фондовый рынок — и вовсе нечто мистическое. Кому и зачем он нужен — ужасная тайна! Ну, то есть, трейдеры-то знают ответ, но молчат, как партизаны. Потому что им только самим он и нужен — как неизвестный даже О. Бендеру способ законного отъема денег у населения. «Лоходром», одним словом...

Впрочем, это отдельный разговор. Как-нибудь в другой раз¹.

Вернемся к кризису. Если развивать климатическую аномалию... то есть, аналогию — следует признать, что низкое давление земной атмосферы с изливающимся из нее дождем, конечно, связано. Не как причина, но как обуславливающий фактор. Причем дождь ощущает каждый, кто под него попал, а падение давления без хорошего барометра или гипертонии можно и не отследить.

¹ Редакция попросила автора подготовить статью о фондовом рынке: откуда он взялся на нашу голову, зачем нужен, как работает и как должен работать. Будем надеяться, что такая статья появится в одном из ближайших номеров (прим. ред.)

Так вот: то, что сейчас происходит — это вроде как если бы дождик из-под нависших туч стал накрапывать, угрожая перерасти в ливень с грозой. Народ суетится, спасается под навесами, самые предусмотрительные хеджируются² зонтиками... Но давление-то в мировой экономике давным-давно ниже плинтуса! Просто мы этого почему-то в упор не замечали, не желая или не решаясь поднять глаза к затянутому жуткими тучами небу. А барометр безбожно врал.

Да, мировой кризис тлеет уже десятки лет. И знаете, в чем его *punctum saliens*³, в чем корень зла? Вот ни за что не догадаетесь! Виной всему — деньги! Банально? Не спешите разочарованно захлопывать журнал! Если взглянуть на привычную реальность под новым углом — может статься, сто раз уже слышанная «ходячая» фраза, давно приевшаяся, вдруг озарится новым пониманием, обретет скрытый ранее смысл. Такое случается. Особо под дождем...



*«.. не придумать ли мне новый жанр?»
Чиж*

Что есть экономика, если обрисовать ее двумя глобальными мазками? Это, во-первых, *производство* самых разных благ, нужных человеку: и материальных, и всяких других. Во-вторых, это *распределение* оных благ. Для производства деньги не нужны, для него нужны лишь сырье и труд. Скажем, при натуральном хозяйстве денег нет: кто что произвел, тот то и потребил. Деньги

² Хедж (от англ. Hedge — изгородь, ограда) — действия (сделки), снижающие риск потерь инвестора от ценовых колебаний, нечто вроде «самострахования». «Зонтик» — вид страхового полиса с наиболее полным покрытием рисков

³ *punctum saliens* (лат., перен.) — самое важное, суть (букв. — «трепещущая точка»)

требуются именно в системе распределения благ. С их участием удобнее вести обмен, порожденный разделением труда.

Деньги никогда в истории не помогали распределению быть справедливым. Они помогали ему просто быть — таким, какое есть. Какой-нибудь король, чеканя монету со своим профилем, тем самым нагло присваивал часть ВВП вверенного ему королевства, где данная монета имела хождение. Что, мягко говоря, не совсем справедливо. Однако, в истоке этой несправедливости не деньги, а поддержанные силой оружия суверенные права.

Ситуация начала быстро меняться в середине прошлого тысячелетия, когда голландцы придумали капитализм, немедленно подхваченный соседями-англичанами, а затем и всем «цивилизованным» миром. Деньги приобрели новую глобальную функцию, став с тех пор не только мерой стоимости товара, но и мерой капитала. Новорожденному капиталу требовалось расти, укрупняться, концентрироваться — ради этого были изобретены (опять же, голландцами — вот ведь неугомонный народ!) акционерные товарищества, разработан изощренный институт кредита. В хозяйственном обороте наряду с золотом появились акции, долговые расписки. А затем и сами деньги стали резаной бумагой.

Для обслуживания «капитальной» функции денег сформировалась целая инфраструктура: биржи, банки, фонды. Естественная страсть людей к накопительству получила в свои жадные пальцы новый набор инструментов, с каждым веком становившихся всё более отточенными. И как-то так незаметно деньги перестали быть вот именно «деньгами», превратившись в «финансы». Возник новый жанр социально-экономической жизни.



«...It's a reach men's world»

ABBA

Род человеческий алчен. Такова его природа. Можно огорчаться и даже страдать по этому поводу, но игнорировать сей факт нельзя. Утопии, не учитывающие алчность человеческой природы, обречены изначально. Как показывает история, увлеченность великой идеей способна на некоторое время отвлечь некоторую часть человечества от стремления к личному обогащению, но в конце концов идея, сколь угодно великая, обескровленно киснет, затем и вовсе протухает в сырости низменных страстей — и всё возвращается на круги своя.

Капитализм одержал сокрушительную победу почти на всём ареале обитания рода людского потому именно, что не пытался апеллировать к возвышенным чувствам лучших умов, а взял да в полной мере использовал простую и грубую энергию алчности. Ибо ничто так не побуждает людей к конструктивному действию, как желание наживы. Страх, на котором держались

ранние экономические уклады — тоже мощный мотиватор⁴. Но — «негативный». А любой менеджер по персоналу... впрочем, не будем отвлекаться. Факт налицо: алчность оказалась более мощным двигателем прогресса, обеспечив человечеству невиданный темп экономического роста.

А еще людям свойственно подводить идейную основу под все свои слабости и гнусности. И капитализм ныне — уже не только экономический строй, не только образ жизни, но и образ мышления. Стремление к богатству возведено в ранг идеологии, вросло в систему жизненных ценностей капиталистического социума. Религия мешала? Мол, богатым путь в рай заказан? Подправили религию, а заодно и мораль. «Всё продается, всё покупается!» И чем дальше, тем больше объемлет это самое «всё».

Если в стародавние времена торговавших деньгами рантье люди хоть и терпели, но недолюбливали — за то именно, что они ничего не производили, наживаясь на чужом труде, то в новом жанре подобное отношение к легкой наживе выветрилось напрочь. Назвавшись финансами, деньги стали не средством распределения, но — самоцелью. И чем проще путь к деньгам — тем больше успех, тем выше социальный статус. Ведь человек еще и ленив по натуре своей. А производство — это ж сложно. Даже торговля товаром — сложно. Зачем нужен склад, всякая там разгрузка-погрузка, когда с тем же успехом можно торговать расписной бумагой? Нужно только тщательно поддержать законом права, этой бумагой выраженные, придать бумаге титул. Реальным собственником быть куда хлопотнее, нежели титульным, не правда ли?

Понятно, что в финансовой подсистеме экономики постепенно окопалась самая ушлая часть социума, самая адекватная культу золотого тельца — и потому самая успешная в рамках парадигмы алчности. Сформировалась целая субкультура, возник отдельный строй мышления. Новый жанр, обронзовев, стал мэйнстримом, и оброс мифологией: финансистами был рожден и нежно взлелеян «монетарный миф» о деньгах как движущей силе экономики и, следовательно, о самодостаточности, самооценности финансовых институтов.

Вполне закономерно, что мировая экономическая система, сама того не заметив, постепенно «опрокинулась», вывернувшись наизнанку. И как-то так вдруг вышло, что сфера производства, подобно Франкенштейну, оказалась в жесткой и жестокой зависимости от того финансового инструментария, который вроде бы создан-то был, чтобы ей служить...

Вершиной жанра стала подмена в макроэкономических теориях, а затем и на практике, фундаментального понятия «стоимость» мифическим понятием «полезность», согласно которому цена товара определяется тем, сколько за него готовы заплатить, а не тем, сколько

⁴ Некоторые психологи считают, что алчность и страх — это две стороны одной медали, два проявления одного и того же чувства (прим. авт.)

в него вложено труда, капитала и природной ренты⁵. И в 20 веке неминуемо наступила «эра потребления»: «vox emptori – vox dei»⁶...



«Ex nihilo nihil!»

Лукреций

Сегодня система распределения, довлея над системой производства, оправдывает свою власть тем, что умеет точнее, тоньше и лучше понять и удовлетворить нужды потребителя, царя и бога экономики. Логика железная, но есть в ней один изъян. Если бы пресловутый потребитель вправду обладал всей полнотой достоверной информации, был бы способен ее корректно обработать и точно выразить свои нужды (а именно на этом допущении строится «теория полезности») – тогда оправдание было бы безупречным. Но, увы, потребитель сам толком не знает, чего хочет, он давно утонул в море противоречивой информации – той самой, полной мифами и ложью, которую предоставляет ему... система распределения. Выражение «Да он и снег зимой продаст!» – это ведь очень уважительная характеристика, просто-таки высший продажный пилотаж.

То есть, современная экономическая реальность выглядит так: многоголовая гидра распределения, с одной стороны, диктует потребителю, что ему нужно потреблять, с другой – производителю, что тому следует производить. И делает это, явно или неявно, в своих интересах. Всё это очень напоминает одно известное заболевание. Система распределения, являвшаяся поначалу здоровой и необходимой частью организма мировой экономики, постепенно переродилась, питаемая гнилой кровью низменных страстей, и во многих своих аспектах превратилась в раковую опухоль.

Ведь что получается? Когда я потребляю некий продукт – я, по сути, потребляю его стоимость: труд тех, кто его создал: инженеров, рабочих, производственных менеджеров. И эту стоимость я безусловно готов оплачивать. Я готов платить даже за ту прибавочную стоимость, которая обеспечивает амортизацию и развитие производственного капитала – и далее идет на общественные нужды, в науку. То есть, я понимаю и принимаю, когда оплачиваю труд людей, умами которых повышается производительность потребляемого мною труда. Ибо при этом часть стоимости просто замеща-

ется другой стоимостью, другим трудом, причем замещается «в мою пользу», снижая общий объем труда на единицу продукции.

Но в качестве «нагрузки» мне сегодня «впаривается», например, еще и болтовня напудренных банковских секретарш, которая почему-то оценивается «рынком труда» в разы дороже, нежели труд квалифицированных рабочих, и беготня биржевых спекулянтов, и потуги прочей оравы малограмотных бездельников. То есть, приобретая некий товар, я тем самым финансирую бурную деятельность на собственное благо целой орды людей, которые не создают ничего полезного ни уму, ни сердцу, ни организму – ни моему, ни общественному, ни чьему-то еще. И я ничего не могу поделать с этой «накруткой» всеобщего Посредника! Действующая система экономического распределения попросту грубо заставляет меня содержать огромное количество «трудящихся», чей «труд» суть обычная пустая суета, ничуть не влияющая на эффективность, не снижающая затрат чьего-то еще труда на единицу продукции, а просто тупо добавляемая к нему. Это уже не просто прибавочная стоимость, это даже не «воздух». Это – corpus delicti⁷, это – красная цена зимнего снега!

Функция распределения, работа посредника – конечно же, нужна экономике. И она добавляет стоимость – но ровно в той мере, в которой способствует эффективному распределению благ. То есть, до тех пор, пока «воздушный» продукт воспринимается как вторичный, служебный по отношению к продукту реальному, и имеет именно тот размер, который необходим для выполнения служебной функции – всё нормально. Но когда система распределения становится самодостаточной и начинает, раздуваясь, обслуживать не столько меня и производство, сколько саму себя...



«Видит Грека: в реке – рак!»

Первым (во всяком случае, как известно автору) противоречивую, двуликую суть капитала обнаружил Маркс, и было это еще 150 лет назад – видать, тогда уже кризис вызревал где-то в системных глубинах. Увы, Маркс копнул чересчур глубоко экономически, еще глубже философски, конкретно отыскал корень зла в частной собственности на капитал... но, будучи наивным интеллигентом, обычную человеческую алчность честно недооценил.

И всё же ключевое слово – «отчуждение» – прозвучало! Маркс понял и попытался объяснить людям, что капитализм мировой экономики болен изнутри, но как именно проявится хворь, где вспухнет язва – не угадал, поскольку не сумел предвидеть воистину вселенского масштаба отчуждения. Это уже не просто отчуждение стоимости от

⁵ Ренту обычно отбирает государство. Автор, поразмыслив, добавил ее к «классическим» труду и капиталу, поскольку роль государства как системообразующего фактора трудно переоценить. А вот недооценить легко... (прим. авт.)

⁶ «Глас покупателя – глас божий» (лат.) – искажение приписываемого Сенеке изречения «vox populi – vox dei». Эта фраза («глас народа – глас божий») имеет богатую историю. Как демократический лозунг она была начертана на знаменах американской и французской революций, однако, в современных текстах чаще воспринимается как ироничный афоризм, причем первая ее часть у рядового американца, цитирующего не чтящего, ассоциируется исключительно с опросами общественного мнения (прим. авт.)

⁷ Термин римского права, означающий совокупность признаков, характеризующих преступление, примерно соответствует современному понятию «состав преступления»

создавшего ее труда. Это отчуждение средств – от цели, действия – от смысла. Полтора века назад, видимо, трудно было даже представить себе, что формула Д-Т-Д', упростившись до Д-Д', даст столь буйные всходы. Точнее, не «всходы». Для того явления, которое порождается «упущением» товарной, реальной части формулы, есть устоявшийся термин: «пузырь».

Маленькие, локальные финансовые пузыри всем нам памяты: МММ, ГКО, и т.п. Российский фондовый рынок является пузырем *ab incunabulis*⁸; с некоторых пор пузырится московская недвижимость. Но и вся мировая финансовая система – тоже один огромный Пузырь! Который то и дело вспухает язвочками по всему телу: то какой-нибудь фондовый рынок обвалится, то ипотечные кредиты погрязнут в невозврате...

Сущность всякого пузыря в том, что снаружи он кажется большим, крутым и серьезным, но внутри – отчаянно и беспросветно пуст. Финансовые пузыри надуты той самой «воздушной стоимостью» бессмысленной самодостаточной суеты. И еще у них у всех, как бы не разнились они по размеру и прочим внешним признакам, есть одна общая черта: энергия их вздувания – алчность, а насос, преобразующий эту энергию в пустоту – возведенное в фетиш бездушное радио, при умножении на леность ума рождающее навороченный формализм и непробиваемую бюрократию.

Решение о выдаче производственных кредитов принимают просидевшие всю свою карьеру в обставленных банковских кабинетах люди, не видевшие в жизни ни одного завода, не понимающие и не желающие понимать, как он реально работает, зато знающие наизусть полсотни формул, нормативов и коэффициентов. При процедуре тендера решения о покупке принимают люди, совершенно не разбирающиеся и не видящие для себя нужды разбираться в том оборудовании, которое покупают, зато легко оперирующие в уме с номенклатурными кодами. Формализация многочисленных процедур привела к их отрыву от реальности, к потере понимания, к выхолащиванию из них сути, и *eo ipso*⁹ к неимоверному росту числа обслуживающих эти процедуры бюрократов. Вы смеялись над законами Мерфи и Паркинсона? Зря! Они написаны всерьез! Бюрократия самовоспроизводится всюду и всегда переворачивает систему ценностей в угоду себе. И финансовая бюрократия в конце концов перевернула ее полностью, во всем мире.

Ни банковская система, ни фондовый рынок, ни прочие финансовые институты давно уже не выполняют в мире тех служебных по отношению к производству функций, ради которых были созданы, и в рамках которых их существование можно было бы признать полезным для эффективности производства стоимости. Банковская система пока еще нужна для расчетов, но потребляет непропорционально много ресурсов. А многое другое из напыщенного мира финансов – это просто раковые опухоли.

Теперь вы видите: кризис, как спящий вулкан, тлеет давным-давно, временами извергаясь. Впервые, если помните, всерьез рвануло в конце двадцатых годов прошлого века. Отдышавшись после Великой Депрессии, мир, наконец, сообразил, что Маркс был в чем-то прав, и даже отказался от ряда принципов, до того представлявших незыблемыми (например, от классического «laissez faire, laissez passer»¹⁰). Но принципиально меняться не захотел.

Еще бы! Ведь для этого нужно отказаться от множества вевшихся догм и мифов, нужно переписать все учебники по финансам и банковскому делу, нужно переломать прочно сросшиеся отношения в целой экономической сфере. По сути, нужно революционно изменить весь сложившийся миропорядок. А капитал революций не любит.

И вот уже десятки лет порченная кровь вседозволенной алчности плодит по всему организму мировой экономики раковые опухоли финансовых схем, работающих по принципу «деньги ради денег». Опухоли гадливо пузырятся, и человечество упорно лечит исключительно пузыри, а не саму болезнь. Изредка войнами выжигает опухоли. Но на переливание крови так и не решилось.

Главный источник кризисности ныне заключен уже даже не в том, что система распределения нагло превалирует над системой производства, а в том, что стиль мышления, позволяющий такому положению дел процветать, захватил огромные массы людей, и все сильные мира сего повязаны им, как круговой порукой. Перед нами вовсе не финансовый кризис, дамы и господа. Это – кризис жанра! Бездушное шоу капитализма исчерпало себя.

Но будет ли понимание болезни достигнуто в этот раз, признает ли род людской свой диагноз? Вряд ли. *Cui prodest?*¹¹ Скорее всего, как обычно, власть предержавшие позволят лопнуть нескольким локальным пузырям, а глобальный Пузырь в очередной раз заклеют-залатают, отложив окончательный взрыв еще на пару десятилетий.

Ибо «*Show must go on!*»



Фото с сайта: <http://lossofsoul.com/pictures>

¹⁰ Принцип, согласно которому государство должно минимизировать свое вмешательство в экономическую жизнь

¹¹ В чьих интересах, кому выгодно? (лат.)

⁸ С колыбели, с рождения, с самого начала (лат.)

⁹ Тем самым, в силу этого, вследствие этого (лат.)